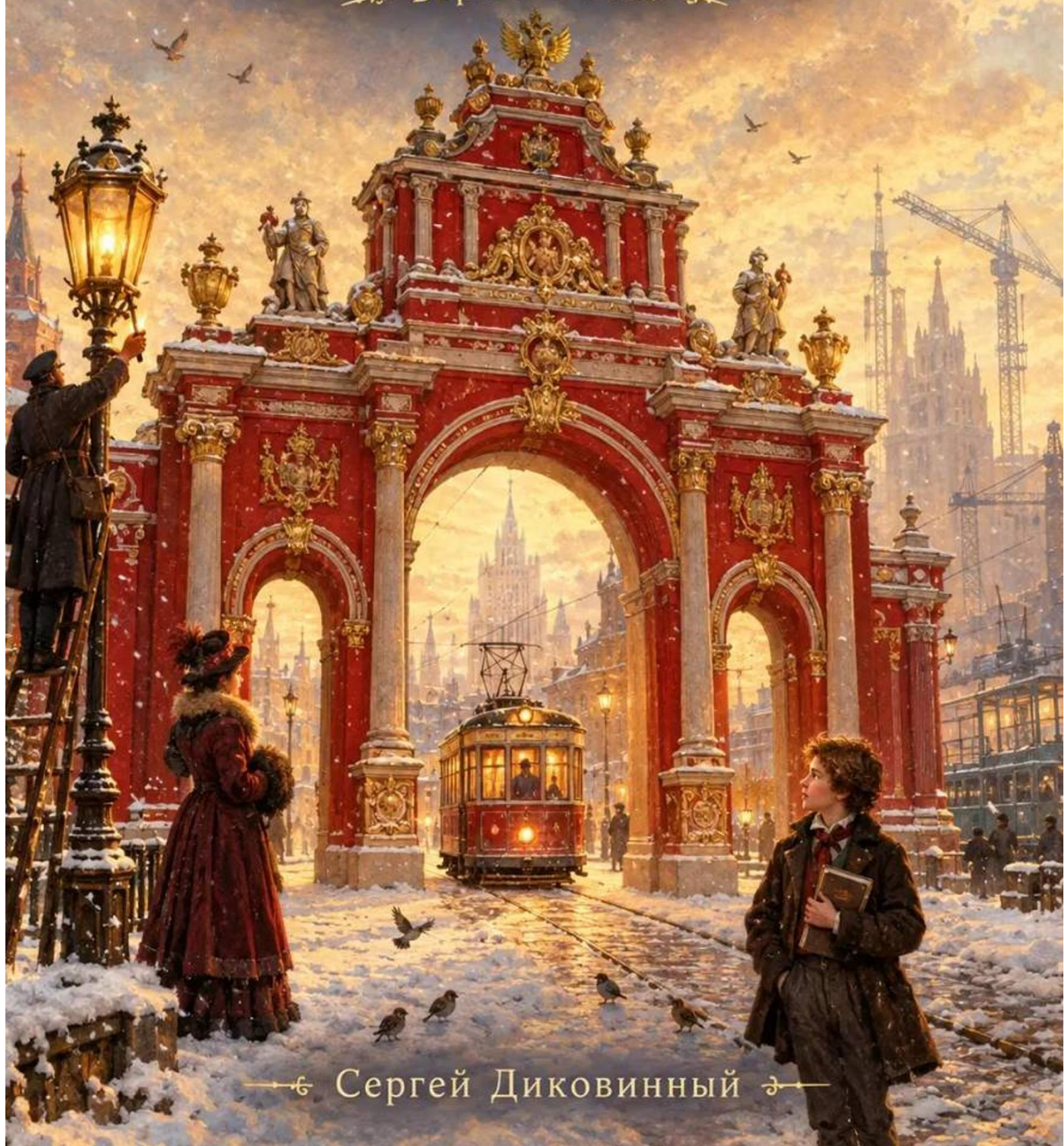

— ✦ Места, которых нет ✦ —

КРАСНЫЕ ВОРОТА

— ✦ Ворота в века ✦ —

— ✦ Сергей Диковинный ✦ —

Сергей Диковинный

Красные ворота

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Красные ворота / С. В. Диковинный — «Автор», 2026

Сначала здесь росли капуста и репа — для царского стола. Потом встала деревянная арка в честь Полтавской победы — и сгорела. Потом другая — и тоже сгорела. Потом появилась каменная: двадцать шесть метров, лепнина, позолота, аллегии. Двести лет она была одной из главных красавиц Москвы. А потом её разобрали за несколько месяцев. Потому что она мешала трамваю. И потому что город решил, что будущее важнее прошлого. Будущее не пришло. Ворота — ушли. Но осталось имя. И площадь. И метро. И сквер на месте дома Лермонтова.

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Огороды и пролом	5
Глава 2. Триумфальные ворота	7
Глава 3. Красные	9
Глава 4. Ворота и Лермонтов	11
Глава 5. Последний год	13
Глава 6. Память и высотка	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Красные ворота

Глава 1. Огороды и пролом

Начнём с того, что на месте нынешней площади Красные ворота когда-то не было ровным счётом ничего.

Ну, то есть совсем ничего — слабо заселённая окраина, пустырь, тишина. Ни тебе арки, ни метро, ни высотки. Просто земля за Земляным валом, о которой никто особо не задумывался.

А в конце шестнадцатого века здесь прошёл сам Земляной вал — длинная линия городских укреплений. Москва тогда росла, как тесто на дрожжах, и её нужно было чем-то защищать. Вал насыпали, ров выкопали, ворота поставили. И вскоре в этом валу сделали пролом — то есть попросту проезд. Дыру в стене, через которую можно было выехать на то место, где сейчас тянется Новая Басманная улица.

Вот этот пролом и станет потом нашей площадью. А пока — вокруг него росли только капуста да репа.

Потому что здесь, с внутренней стороны нынешнего Садового кольца, раскинулась Огородная слобода. И это не поэтическое название — здесь действительно были огороды. Огромные, ухоженные, с грядками до горизонта. И знаете, для кого на этих грядках выращивали всё это богатство?

Для царского стола.

Яблоки, огурцы, репа, капуста, всякая зелень — всё это шло напрямик в Кремль, к государю. Обычная слобода, но со столичной нагрузкой. Огородники вставали с петухами, копались в земле до заката, чтобы на царском столе в нужный момент появились свежие овощи и фрукты.

К концу семнадцатого века здесь уже стояла каменная церковь — Трёх Святителей, что в Огородниках. Стояла она примерно там, где сегодня наземный вестибюль станции метро. Если бы вы шли по площади лет триста назад, то первым, что бросилось бы в глаза, была бы она — нарядная, белокаменная, одна на всю округу.

Но время шло, и огородников начали потихоньку вытеснять. Особенно из Басманной слободы, где тоже занимались садоводством. Земли стали раздавать служилым людям — тем самым потешным полкам, с которых Пётр I начинал свою военную забаву, а потом и настоящую армию. Слобода даже ненадолго переименовалась в Капитанскую. Звучит куда строже, чем «Огородная», согласитесь.

А потом случилось то, что решило судьбу московских огородов раз и навсегда: Пётр перенёс столицу в Петербург.

И вот тут всё замерло. Царскому двору больше не нужны были московские овощи и фрукты — им хватало своих, питерских. Слободы как таковые постепенно исчезли. Огородники остались без главного заказчика. Грядки заросли. Церковь Трёх Святителей осталась стоять, но вокруг неё уже не пахло укропом и редисом.

Остался только пролом. Пустое пространство у вала, которое ждало своего часа.

И этот час настал очень скоро.

Потому что на дворе был тысяча семьсот девятый год. Полтавская битва. Победа над шведами. И Пётр, вернувшись с юга, задумал нечто такое, чего Москва ещё не видела.

Деревянную триумфальную арку.

Первую в России.

Глава 2. Триумфальные ворота

Итак, тысяча семьсот девятый год.

Полтавская битва отгремела, шведы разбиты, Карл Двенадцатый бежал в Турцию, а вся Россия гудела от гордости. Победа была не просто большой — она была переломной. И Пётр, который умел отмечать свои триумфы с размахом, не собирался скромничать.

Он приказал поставить на Земляном Валу триумфальную арку.

Не где-нибудь в Кремле, не у дворца — а прямо здесь, у пролома, на месте бывших огородов. Там, где только что росла капуста, должна была встать арка в честь победы над шведами. Первая триумфальная арка в истории России.

Сделали её из дерева. Быстро, нарядно, с резьбой, с фигурами, со всякими аллегориями, которые тогда очень любили. Пётр вообще был мастер на такие символические жесты — ему важно было не просто победить, а показать победу. Чтобы все видели, чтобы запомнилось, чтобы враги дрогнули, а свои приободрились.

Арка встала. Москва на неё смотрела и, надо думать, ахала.

Но вот что интересно. Рядом с аркой устроили качели. И не просто качели, а такие, которыми, если верить историкам, пользовался сам Пётр. Царь, только что разгромивший шведскую армию, качался на качелях у триумфальной арки на окраине Москвы. Вот такой он был человек — величайший реформатор и государственный деятель, а иногда просто большой ребёнок.

Дерево, впрочем, материал недолговечный. Особенно в Москве, где пожары случались с завидной регулярностью.

В тысяча семьсот тридцать седьмом году арка сгорела.

Пламя, скорее всего, пришло из соседних построек — деревянная Москва горела легко и часто. Триумфальные ворота вспыхнули и рассыпались. Остались только обугленные столбы да воспоминания.

Но Москва не привыкла отступать. Через пару лет арку восстановили — на этот раз к торжественной коронации Елизаветы Петровны, дочери Петра. Новая императрица всходила на престол, и ей нужны были свои триумфальные ворота. Старые, деревянные, сгоревшие — не годились. А вот новые, тоже деревянные, но свежие и нарядные — в самый раз.

Их поставили. Ими любовались. Через них проезжали коронационные кортежи.

А потом случился тысяча семьсот сорок восьмой год.

И арка сгорела снова.

Два пожара за десять лет. Это уже не случайность, а закономерность. Стало понятно: дерево здесь не живёт. Сколько его ни восстанавливай, сколько ни украшай — огонь придёт раньше, чем успеет стереться позолота.

И тогда было принято решение, которое изменило всё.

Строить в камне.

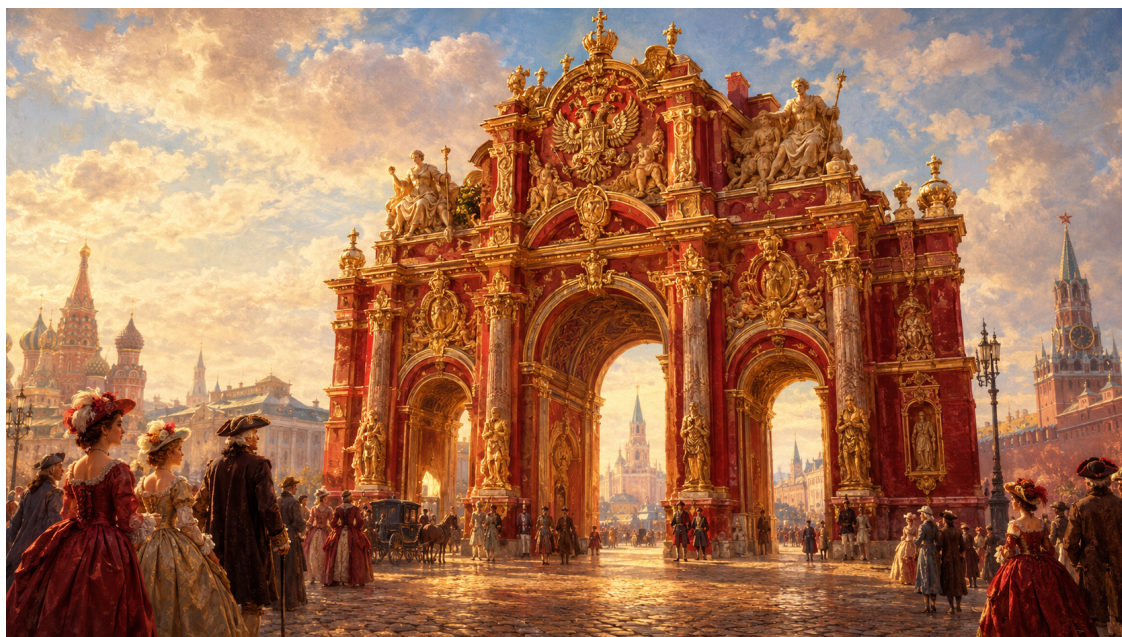
Каменная арка — это уже не временная декорация к празднику. Это всерьёз и надолго. Это памятник, а не украшение. Это заявка на то, что место останется в истории, а не сгорит вместе с очередным пожаром.

Так закончилась деревянная эпоха Красных ворот. И началась каменная.

А вместе с ней на сцену вышел человек, чьё имя теперь навсегда связано с этим местом, — архитектор Дмитрий Ухтомский.

Но о нём — в следующей главе.

Глава 3. Красные

И вот на сцену выходит Дмитрий Ухтомский.

Человек, о котором стоит сказать пару слов — хотя бы потому, что без него Красных ворот в том виде, в каком их узнала Москва, просто не было бы. Ухтомский был одним из главных мастеров елизаветинского барокко. Если перевести это на человеческий язык — он умел строить так, чтобы здание выглядело празднично, нарядно и слегка театрально. Ровно то, что было нужно в эпоху Елизаветы Петровны, которая любила балы, маскарады и вообще всё блестящее.

И вот ему поручили возвести каменные триумфальные ворота на месте сгоревших деревянных.

Строили долго. Начали в конце сороковых, закончили в пятидесятых годах восемнадцатого века. И когда закончили — Москва, надо думать, замерла.

Потому что это было нечто.

Высота — около двадцати шести метров. Это выше, чем девятиэтажный дом. Для середины восемнадцатого века — почти небоскрёб. Три пролёта — то есть три арки, через которые можно было проехать. Богатейшая лепнина. Скульптуры. Росписи. Позолота, которая на солнце играла так, что слепила глаза. Десятки аллегорических фигур. Гербы губерний. Изображения, прославляющие Российскую империю.

Современники называли её одним из самых эффектных сооружений Москвы. И не лукавили. Арка была не просто воротами — она была манифестом. Заявлением о том, что Россия — великая держава, а Москва — не сонное захолустье, а город, умеющий строить красиво.

Но самое интересное — это название.

Изначально арку называли просто Триумфальными воротами. Никаких «красных» там не было. И тут начинается самая любопытная часть — потому что о происхождении слова «красный» в этом названии до сих пор спорят историки.

Версия первая. В древнерусском языке слово «красный» означало вовсе не цвет, а «красивый». Это потом уже, с течением веков, смысл сузился и прирос к красному как оттенку. А в старину «красна девица» — это не девушка с красными волосами, а красивая девушка. «Красный угол» в избе — не выкрашенный в красное, а почётный, главный. Так что Красные

ворота могли быть просто «красивыми воротами». И это, согласитесь, звучит вполне логично: арка действительно была невероятно хороша.

Версия вторая. Арку, дескать, сначала выкрасили в светлые тона — под мрамор, чтобы выглядела благородно. А пурпурный, действительно красный цвет она приобрела уже только в девятнадцатом веке, при одной из перекрасок. Так что если «красные» — про цвет, то появилось это название совсем не сразу.

И версия третья, самая прозаичная. Через эти ворота шла дорога из центра Москвы в Красное село. Помните, у нас есть станция метро «Красносельская»? Вот это оно. Дорога вела туда, и ворота стали называть по направлению — Красными, то есть ведущими в Красное.

Какая версия правильная — никто доподлинно не знает. Возможно, все три понемногу. Возможно, одна. Мне лично нравится думать, что название выросло из всего сразу: ворота были и красивые, и в сторону Красного села, и со временем стали красными на самом деле. Так ведь и бывает в языке — слово впитывает все смыслы разом и потом живёт с ними.

Как бы там ни было, а название прижилось. И не только за самой аркой — но и за всей окружающей местностью. Со временем «Красные ворота» стало обозначать не сооружение, а целый район города. И это, пожалуй, лучший показатель того, насколько ворота вросли в Москву — они перестали быть просто постройкой и превратились в имя места.

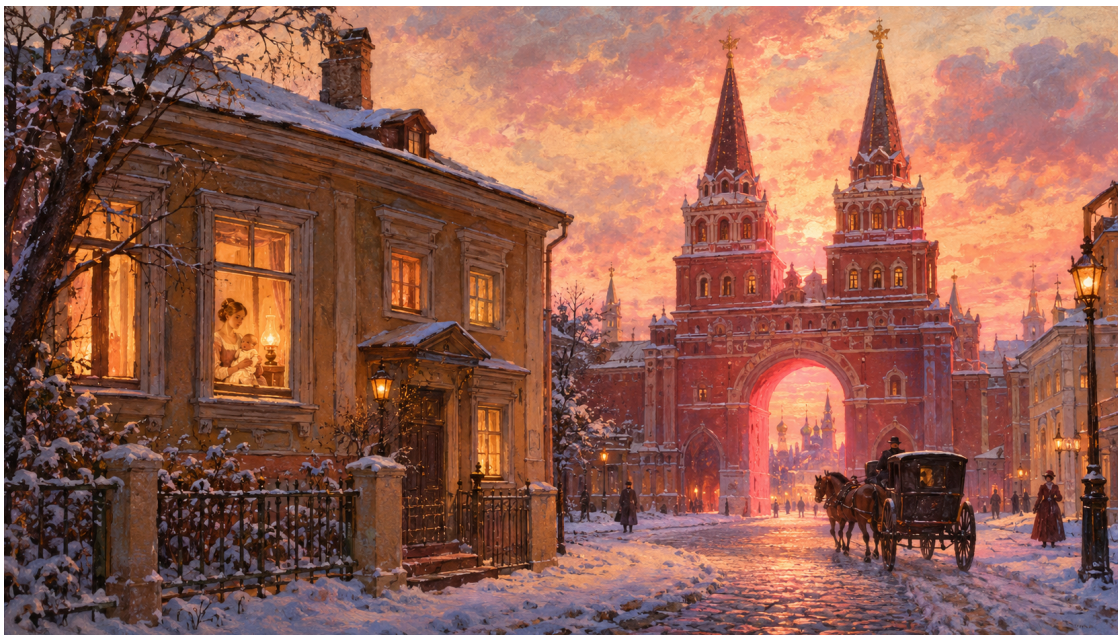
А само место тем временем продолжало жить своей жизнью.

Через арку проходили торжественные процессии. Царские кортежи. Важнейшие въезды в город. Всё, что было торжественного и значительного в жизни Москвы, так или иначе проходило через эти ворота. Они стали таким же символом столицы, как Кремль или Сухарева башня.

И стояли. Год за годом. Десятилетие за десятилетием.

До поры до времени.

Глава 4. Ворота и Лермонтов

Век восемнадцатый закончился. Начался девятнадцатый. И Красные ворота вошли в него не просто памятником — они вошли символом.

Через них по-прежнему проходили коронационные кортежи, торжественные процессии, важнейшие въезды в город. Всё значительное, что случалось в Москве, так или иначе проходило мимо этой арки. Она была уже не просто воротами, а точкой отсчёта — как Кремль, как Сухарева башня, как колокольня Ивана Великого. Место, по которому город ориентировался.

А потом случился тысяча восемьсот двенадцатый год.

Наполеон вошёл в Москву. Москва сгорела. Пожар был такой, что от города остались считанные кварталы. Деревянные дома вспыхивали один за другим, каменные коптились, улицы превратились в пепелище. Красные ворота, к счастью, уцелели — камень есть камень. Но вот Земляной вал, остатки старых укреплений, окончательно исчез. Его снесли за ненадобностью, и на его месте постепенно образовалась нормальная городская площадь.

Та самая, которую мы знаем сегодня. Примерно в тех же границах.

Вокруг началось строительство. Появились дома, лавки, доходные здания, трактиры. Жизнь закипела — уже не огородная, не купеческая, а самая что ни на есть городская. И среди этой новой застройки стоял один жилой дом, который сейчас уже никто бы и не вспомнил, если бы не одно обстоятельство.

В этом доме, в тысяча восемьсот четырнадцатом году, родился мальчик.

Михаил Юрьевич Лермонтов.

Да, тот самый Лермонтов. «Бородино», «Герой нашего времени», «Парус», «Смерть поэта» — всё это будет позже. А пока — младенец, появившийся на свет в обычном московском доме у Красных ворот. Никто тогда, разумеется, не догадывался, что этот дом войдёт в историю. Но он вошёл.

И вот здесь начинается самое интересное — потому что место рождения Лермонтова навсегда связало Красные ворота с именем поэта. Дом стоял ровно там, где сейчас высится знаменитая сталинская высотка. Если бы вы подошли к ней и сказали: «Знаете, здесь когда-то родился Лермонтов» — это было бы чистой правдой. Только высотка появилась гораздо позже, а дом, тот самый, давно исчез.

Но вернёмся в девятнадцатый век.

Красные ворота к тому времени стали одной из главных городских достопримечательностей. Их рисовали, описывали, упоминали в путеводителях. Арка пережила ещё одну перекраску — и, по некоторым сведениям, именно тогда приобрела тот самый пурпурный оттенок, который дал ей окончательное имя. Светлая под мрамор, она стала красной по-настоящему. Как будто название догнало свой цвет.

К концу века вокруг уже повсюду ходили трамваи. Москва росла, становилась промышленной, шумной, тесной. Арка оказалась ровно на пути этого роста — как раз в том месте, где Садовое кольцо встречалось с улицами, ведущими в центр. По ней проходил транспорт. Под ней ездили. Мимо неё спешили.

И вот тут возникла проблема, о которой тогда, наверное, никто всерьёз не думал. Арка была красивой, исторической, величественной — но она стояла. На одном месте. А городу нужно было движение. Всё больше движения.

Пока это было терпимо. Девятнадцатый век заканчивался, двадцатый только начинался. Никто ещё не догадывался, что совсем скоро Москва задумает перестроить себя так радикально, что под нож пойдут не только отдельные дома, но и целые символы.

Красные ворота пока стояли. И, казалось, простоят ещё века.

Но в воздухе уже пахло чем-то новым. Не порохом — революцией.

О том, что случилось дальше, — в следующей главе.

Глава 5. Последний год

Двадцатые годы двадцатого века. Москва меняется так быстро, что не успевает сама за собой.

Город перестраивается, расширяется, рвётся из старых границ. Магистрали распрямляют, улицы удлинняют, кварталы ломают. Советская власть строит новую Москву — большую, светлую, промышленную. И в этой новой Москве старой дореволюционной архитектуре места как будто нет. Или почти нет.

Но пока ещё нет.

Потому что в тысяча девятьсот двадцать шестом году происходит нечто удивительное. Красные ворота реставрируют.

Представьте: городские власти берут и приводят арку в порядок. Возвращают ей исторический облик. Чистят, восстанавливают, красят. Чтобы стояла как новенькая. Как будто Москва решила: нет, это наше, это мы сохраним.

И тогда же, в том же самом году, по городу расходится стишок. Простой, короткий, но с огромным смыслом:

«Была белая Москва — были красные ворота, стала красная Москва — стали белыми ворота».

Вот это, если вдуматься, страшная по своей точности вещь.

Была «белая Москва» — дореволюционная, с золотыми куполами, белым камнем, светлой архитектурой. И были у неё свои красные ворота. А теперь стала «красная Москва» — советская. И ворота сделались белыми. То есть чужими. Несвоими. Просто объектом. Памятником, который нужно как-то переварить и переопределить.

Обычная рифма, а в ней — вся трагедия эпохи.

Потому что через несколько месяцев после реставрации, в начале тысяча девятьсот двадцать седьмого года, было принято решение о сносе.

Да. Отреставрировали — и снесли. Именно в таком порядке. Сначала починили, потом убрали. И в этом нет никакой логики, если смотреть на вещи по отдельности. Но если взглянуть на всё вместе — логика есть, просто она не про красоту.

Формально Красные ворота мешали транспорту. Садовое кольцо нужно было расширять, трамваи ходили всё чаще, машин становилось всё больше. Арка стояла ровно на пути. Вот и вся причина: движение важнее памятника.

Только вот на самом деле речь шла о куда большем.

В Москве обсуждали грандиозный проект. Через весь исторический центр должен был пройти огромный проспект — от восточных районов к будущему Дворцу Советов. Гигантскому зданию, которое планировали построить вместо Храма Христа Спасителя и сделать главным символом новой страны. Проспект должен был связать город с этим дворцом, и по его маршруту планировалось снести очень много старой застройки. Красные ворота оказались одной из первых жертв этой архитектурной политики.

Не потому что мешали трамваю. А потому что попали в зону великого будущего.

Против сноса выступили архитекторы, историки, интеллигенция. Главным защитником арки стал Анатолий Луначарский — нарком просвещения, человек, который вообще много делал для сохранения культурного наследия. Он писал обращения во ВЦИК, в Совнарком, в Моссовет. Просил сохранить Красные ворота. Доказывал, что это уникальный памятник. В одном из ходатайств защитники арки написали, что она «единственная в своём роде не только во всесоюзном, но и в мировом масштабе».

Это была чистая правда.

Но слова не помогли. В новой логике развития города культурная ценность памятника уступала транспортной и идеологической целесообразности. Проще говоря: будущее важнее прошлого. Даже если прошлое — единственное в мире.

И вот наступило третье июня тысяча девятьсот двадцать седьмого года.

Красные ворота начали разбирать.

Работа шла быстро. Возможно, слишком быстро. По воспоминаниям современников, многие декоративные элементы — лепнину, скульптуры, позолоту — попросту уничтожили во время работ. Не сняли и не сохранили, а разбили и выбросили. Арка уходила не как реликвия, которую аккуратно разбирают по частям, чтобы собрать в музее. Она уходила как хлам, который мешает.

Вместе с ней исчезли и соседние постройки. Церковь Трёх Святителей — та самая, что стояла здесь ещё с конца семнадцатого века, ещё до всяких ворот. И дом Лермонтова. Тот самый дом, где в тысяча восемьсот четырнадцатом году родился поэт.

Всё это ушло в один и тот же год. За несколько месяцев.

Красные ворота стали первым крупным архитектурным сносом советской эпохи. И, увы, не последним. В следующие годы Москва потеряет Сухареву башню, значительную часть Китай-города, множество храмов и целые исторические кварталы. Но первыми были они. Первыми. И именно после этого стало окончательно ясно: советская модернизация может прийти до любого, самого знаменитого, самого любимого памятника города.

А самое горькое — впереди. Потому что тот самый проспект, ради которого сносили Красные ворота, так и не появился в первоначальном виде. И Дворец Советов так и не построили.

Красные ворота уничтожили ради будущего. Которое так и не наступило.

Глава 6. Память и высотка

И вот мы подошли к концу. Точнее — к тому, что осталось после конца.

От Красных ворот не сохранилось почти ничего. Ни камня, ни лепнины, ни одной подлинной детали. Арку разобрали, обломки вывезли, место расчистили. Сегодня невозможно прийти на площадь Красные ворота и увидеть хоть что-нибудь от той самой арки Ухтомского. Её нет. Совсем нет.

А ведь её сносили именно ради этого. Ради нового, большого, правильного будущего, в котором старой Москве места не оставалось. Ради проспекта, который должен был рассечь город. Ради Дворца Советов, которому суждено было стать символом новой эпохи.

И вот здесь начинается самое парадоксальное.

Проспект Дворца Советов в том виде, в каком его задумывали, так и не появился. Дворец Советов так и не был построен — на его месте в итоге возник бассейн «Москва», а потом снова встал Храм Христа Спасителя. Всё то будущее, ради которого сносили Красные ворота, просто не наступило. Растворилось в пересмотрах планов, в войне, в смене идеологических ориентиров, в обычной человеческой забывчивости.

Красные ворота были утрачены ради будущего, которое не случилось.

И всё-таки они остались. Не в камне — в имени.

Потому что вот что интересно: если вы сегодня откроете карту Москвы, вы найдёте здесь очень много Красных ворот. Площадь Красные ворота на Садовом кольце. Район Красные ворота. Станция метро «Красные ворота» Сокольнической линии — та самая, с красивым вестибюлем в виде раковины. И высотка, которую всегда называют с уточнением: «высотка на Красных воротах». Потому что без этого уточнения непонятно, о какой из сталинских высоток речь. А с ним — сразу ясно. Там, где были ворота.

Самих ворот нет уже почти сто лет. А слово осталось. И не просто осталось — оно продолжает работать. Оно структурирует город, оно называет место, оно держит память. Когда вы говорите «я живу у Красных ворот», вы не задумываетесь, что произносите имя того, чего давно нет. Но вы его произносите. Каждый день.

Правда, есть тут ещё один слой. Потому что в советское время площадь Красные ворота какое-то время называлась Лермонтовской. В честь поэта, который здесь родился. Станция

метро тоже сначала носила имя Лермонтова, и только потом стала «Красными воротами». Дом, где он родился, снесли в том же страшном тысяча девятьсот двадцать седьмом году. Но имя поэта на какое-то время всё-таки закрепилось за местом.

Сегодня о Лермонтове напоминает только небольшой сквер на площади. Тихое место с деревьями и памятником. Обычный московский сквер, каких десятки. Но если знать, что именно здесь, совсем рядом, когда-то стоял дом, в котором появился на свет автор «Героя нашего времени» — этот сквер перестаёт быть обычным. Он становится точкой памяти. Осколком большой истории, которую по кирпичику разобрали и вывезли.

И вот здесь мне хочется сказать главное.

Красные ворота — это не просто арка, которую когда-то сломали. Это точка. Точка, в которой стало ясно, что можно. Что можно снести что угодно, если назвать это правильной причиной. Транспорт, расширение, будущее, необходимость — формулировок всегда было много. Красные ворота стали первой крупной жертвой советской перестройки Москвы. За ними пойдут Сухарева башня, Китай-город, храмы, целые кварталы. Но первыми были они. Их снос был сигналом: ничего не вечно, ничего не неприкосновенно.

А потом оказалось, что будущее, ради которого всё это делалось, не пришло. Дворец Советов не построили. Проспект не прорубили. А Красные ворота — исчезли. И в этом, пожалуй, самая горькая ирония всей этой истории.

И всё же память о них жива. Нет арки, нет дома Лермонтова, нет церкви Трёх Святителей. Но есть площадь Красные ворота. Есть метро. Есть сквер. Есть в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.